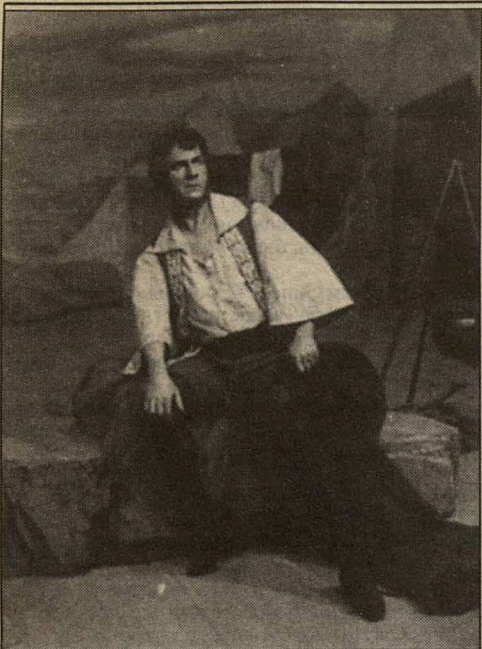

04.98

Машин Ф.И.

В конце 80-х был открыт шаляпинский архив в РГАЛИ. Стало возможным прочесть то, что скрывалось за отточиями в томах "Литературного наследия". Незадолго до кончины Федор Иванович написал дочери Ирине, пытавшейся примирить отца с советской властью: "Это не я их не понял, это они меня не поняли. Это они мне устраивали в течение пяти лет унижительную жизнь, от которой нужно было бежать". Он уехал в 1922 году на немецком пароходе, который через несколько месяцев увезет из России в ссылку цвет русской интеллигенции и войдет в историю как "философский пароход".

Помню вечер в Доме Актера, посвященный очередному юбилею певца, на котором шаляпинисты подробно рассказывали об обстоятельствах отъезда, о травле артиста, устроенной в 20-х годах, когда Шаляпин был объявлен "белогвардейским прихвостнем". Многие на том вечере изумились выступлению Б.Покровского, призвавшего не обращать внимание на "мышиную возню", которая неизбежно сопровождает гениального человека. "Шаляпин - здоровые нации. И не столь уж важно, где оно будет проявляться - в России или на Западе", - сказал он и сослался на парадоксальное мнение одного коллекционера, предлагавшего поразиться эмиграции Шаляпина: "Ведь именно благодаря его отъезду мы имеем возможность слушать записи голоса артиста, осуществленные такой замечательной фирмой, как "His Master's voice". Останься Шаляпин на родине - его постигла бы судьба Собинова, Неждановой, пластинки которых не дают никакого представления о лучших наших певцах". По гамбургскому счету Б.Покровский прав. Но история "мышинной возни" также заслуживает внимания. Шаляпин и при жизни и после смерти постоянно становился героем мифа, миф же, оказывается, и сегодня более живуч, чем реальный факт.

Не так давно мы пережили увлечение эмигрантской литературой. Опубликованный журналом "Драматург" "Рампа и жизнь" Л.Леонидова, книга К.Коровина "Шаляпин. Встречи и совместная жизнь", эссе неизвестного автора "Шаляпин и Русская опера в Париже" ("Театр", 1993, № 6) предлагали свою точку зрения на личность великого артиста. Лидия Шаляпина, чьи воспоминания "Глазами дочери" также были недавно изданы, писала: "Даже теперь, после его смерти, столько злой неправды продолжают повторять... те индивидуумы, которым слава Шаляпина не дает покоя..., кое-кто в своих мемуарах не упустил возможности лягнуть мертвого льва, еще раз спекулировать на его имени и еще немного заработать на нем". В этих мемуарах с особой очевидностью проявляется психология той части русской эмиграции, которая не могла простить Федору Ивановичу его статуса "гражданина мира", материального благополучия и независимости. Ее стараниями создавался эмигрантский миф о Шаляпине, удивительно схожий с версией, насаждаемой на родине в сталинские времена, изображавшей артиста человеком, продавшим душу за деньги.

Одним из авторов советского мифа был лучший друг Максим Горький. Правды ради напомним, что Алексей Максимович еще до революции добровольно взял на себя миссию биографа Шаляпина. "Погляди внимательно, да увидишь, в равнине сей и пустой фигуру гениального мужика", - писал он Федору Ивановичу. В "Страницах из моей жизни" Горький сознательно конструировал биографию артиста, такой, какой он желал ее видеть, в контексте своих собственных "университетов", также

В нынешнем году совпали две шаляпинские даты - 125-летия со дня рождения и 60-летия со дня смерти. Юбилейные торжества начали отмечать загодя. В извечном споре за Шаляпина Москвы и Петербурга - великий певец жил на два дома, попеременно выступая в обеих столицах - инициативу перехватила Северная Пальмира. 19 января состоялся гала-концерт с участием десяти знаменитых басов. В программе шаляпинского фестиваля - спектакли, торжественное открытие после долгого ремонта дома-музея артиста, заупокойная литургия и панихида в Троицком соборе Александро-Невской Лавры... К юбилею приурочили международную теоретическую конференцию "Шаляпин - легенда XX века". Она завершилась показом "Дон Кихота" Г.Пабста с Федором Ивановичем в главной роли и фильмов А.Сокурова. Мы публикуем материалы двух участников конференции, прошедшей в Санкт-Петербургском музее театрального и музыкального искусства.

“Мечту я оставил в России разбитой...”

Екатерина ДМИТРИЕВСКАЯ

в достаточной мере романтизированных. "Новейшие Орест и Пилад", как называли неразлучную пару фельетонисты, - одна из любимых легенд начала века - два босняка, поднявшиеся со дна жизни. Эта легенда опиралась на реальные события, причудливо помноженные на слухи и сплетни. В биографиях артиста и писателя были поразительные совпадения. Шаляпин вспоминал: "В ранней молодости, когда душа, так сказать, стремится к мечте, когда молодые люди влюбляются, у нас вышло почему-то так, что и мое первое увлечение и его первое увлечение жили как раз в одном и том же городе, в одной и той же местности: на (горе) Вере, в Тифлисе, причем и его предмет и мой носили одно и то же имя Ольги". Ольга Каминская, заставившая Горького пережить "трагикомические волнения" первой любви, как и избранница Шаляпина Ольга Михеева, были женщинами другого круга. Спустя годы в "Страницах из моей жизни", написанных вместе с Горьким, Шаляпин обвинил Ольгу в высокомерии. Похоже описывал Горький и свою первую любовь: "Ей жизнь казалась чем-то вроде паноптикума". Начинающий писатель и начинающий артист мучились и ревностью, и "комплексом неравенства", и невозможностью вписаться в иную среду, к которой принадлежали обе Ольги.

Совпадение личных судеб возникнет и в начале века, когда в жизнь Горького и Шаляпина войдут женщины, которых также звали одинаково. Мария Федоровна и Мария Валентиновна станут гражданскими женами друзей. Впрочем, отношения писателя к спутнице Шаляпина переживет удивительную метаморфозу от восхищения до ненависти. Но об этом немного позднее.

Вернемся к "Страницам из моей жизни", сыгравшим роковую роль в истории дружбы. Довольно невинный иск Шаляпина к советскому издательству "Прибой" и торгпредству по поводу пиратского распространения за рубежом автобиографии, иск, признанный законным коммерческим трибуналом Сены, разросся в скандальный "иск к Советской власти". (История эта подробно изучена В.Гармашом и Ю.Котляровым в "Летописи жизни и творчества Ф.И.Шаляпина"). Горькому в этот момент нужно было решать вопрос "с кем вы, мастера культуры?" и выбрать служение сталинской системе, исключавшей дружбу с "шалым, нечеловечески талантливым" Шаляпиным, не желавшем вступать в торги с советскими властями. В письме другу, позднее появившемся в легком измененном виде на страницах "Правды" и "Известий", Горький писал: "Записки" твои на три четверти - мой труд. Если тебе внушили, что ты имеешь юридическое право считать их своей собственностью, - морального права твоего так постыдно распоряжаться этой "собственностью" я за тобой не признаю".

Горький был уверен в своем влиянии на Шаляпина и, вероятно, считал, что артист будет вынужден признать свою вину. Но он ошибся. В 1932 году в парижском издательстве "Современные рассказы" вышла "Маска и душа", которой Федор Иванович неопровержимо доказывал, что способен написать книгу без Горького. Разумеется, Шаляпин, как и в случае со "Страницами", сочинял, импровизировал свои мемуары вслух. Устные рассказы записывал Соломон Львович Поляков-Литовцев, постоянный автор "Последних новостей", опытный, одаренный журналист, до революции известный думский корреспондент.

Читая "Маску и душу", Горький, по его собственным словам, "бесился до сердеч-

ного приступа". В архиве Алексея Максимовича сохранился черновик письма Шаляпина. Сегодня оно поражает своим тоном, оскорблениями в адрес Марии Валентиновны (в ту пору уже законной супруги Федора Ивановича). Ее имя не упоминается, но слова о нежелании возвращаться на родину приводятся дословно: "Мне кажется, что лжете Вы не по своей воле, а по дряблости Вашей природы и потому, что жуликам, которые окружают Вас, полезно, чтоб Вы лгали и всячески компрометировали себя... Зачем это нужно им? Они - Ваши паразиты, вошь, которая питается Вашей кровью. Один из главных и самый крупный сказал за всех остальных веские слова: "Федя воротится к большевикам только через мой труп". Шаляпин, написавший искреннюю, правдивую книгу, становится врагом, от которого необходимо отмежевываться.

Совершенно очевидно, что Горький дал обещание вернуть Шаляпина на родину, заверил Сталина, что сделать это будет несложно. Но и Шаляпин к этому времени совершил выбор. Долгое время считалось, что этого письма Федор Иванович не получил. Есть основание думать, что письмо дошло до адресата, но, видимо, хранить письмо артист не захотел. Прочитав оскорбительное послание, Шаляпин испытал острое чувство вины, понял, что в отстаивании своей правды и своих прав, предал друга, усугубив и без того трагическое положение Алексея Максимовича. Страх за Горького заставил артиста внести изменения в главу о Горьком. В дополнительной части тиража абзац: "Когда я во время большевистской революции, совестью покинув родную страну... спрашивал Горького, как брата, что же он думает мне делать, его чувство любви ответило мне:

- Ну, теперь брат, я думаю, тебе надо отсюда уехать. Отсюда, это значило из России... на более нейтральный: "Когда я... решил в конце концов перебраться за рубеж, я со стороны Горького враждебного отношения к моему решению не заметил"... Изменил Шаляпин и фразу, возмущавшую Горького: "Во мне вспыхнула царская кровь Бориса, Ивана Грозного". В 1913 году писатель призывал Федора Ивановича не забывать - "Ты больше аристократ, чем любой Рюрикович". Но в новом постреволюционном контексте пролетарский классик не мог простить певцу этот пассаж. Шаляпин заменяет "царскую" кровь на "актерскую". Больше они не переписывались, хотя, когда при невыясненных обстоятельствах умер сын писателя Максим, Шаляпин послал Горькому телеграмму соболезнования.

Когда-то, до революции, артист мечтал сыграть Степана Разина на сцене и в кино, либреттистом и сценаристом должен был стать Горький. Пройдет время и образ Разина переживет в сознании Шаляпина существенные изменения. Приятель Федора Ивановича артист Григорий Хмара вспоминал слова Шаляпина: "В русском человеке много от Разина, все лучшее он любит уничтожать". В эмиграции он явственно ощущал себя "персидской княжной", выброшенной за борт, "с парохода современности".

Еще один неосуществленный проект связан с оперой "Алеко". Впервые он спел в этой опере в год столетия со дня рождения Пушкина в 1899 году. Сохранившаяся фотография не дает никакого представления об образе. Более отчетливо замысел Шаляпина можно представить себе по фотографии 1921 года. Угадывается легкое

сходство с Пушкиным (кудрявый парик, бакенбарды). В 1937 году отмечалась столетняя годовщина со дня гибели поэта, Федор Иванович просил С.Рахманинова написать пролог к опере. Своим замыслом певец делился с Дон-Аминадо: "Со сцены, дорогой мой, надо уйти вовремя... Так вот, есть у меня давнишняя, на совесть продуманная, под самым сердцем выношенная идея..."

Хочу поставить "Алеко" Рахманинова! Спеть и сыграть самого Алеко, загримировавшись под Пушкина, потому что Алеко это сам Пушкин, влюбленный в Земфиру! И нужна мне, милый друг, ваша помощь. Необходимо, чтобы вы написали либретто!.. то есть приспособили пушкинский текст...

И видя на моем лице ужас и изумление, вскочил с места, достал из ящика заветную партитуру, отпечатанную в Москве у Гутхейля, потом уселся рядышком и начал, словно в лихорадке, перелистывать страницу за страницей, восклицать, шептать, объяснять, и остановить его не было никакой возможности..."

Либретто написала поэтесса Л.Нелидова-Фивейская, но Рахманинов не захотел дописывать оперу, которую он считал "ученической".

В юбилейные дни на канале "Культура" были показаны две серии фильма Ю.Альдохина "Великий Шаляпин". Среди множества уникальных фотографий и документов мелькнули эскизы И.Фомина, автора проекта шаляпинского "Замка" в Крыму. Высокая башня в неоромантическом стиле соединяется с замком живописным мостом и идеально вписана в пейзаж со скалой и морем. Море, впрочем, отсутствует на эскизе, но угадывается. В 1915 году Шаляпин купил участок неподалеку от Суук-Су, и тогда же заказал проект. (Ныне это территория "Артека").

"Замок искусства" - неосуществленную мечту Шаляпина интересно рассматривать в ряду с другими "воздушными замками" Серебряного века, и, прежде всего, со Школой Комиссаржевской, грезившей, так же как и Шаляпин, о готическом монастыре, в котором будет воспитываться новый человек, новый тип актера. Похожие идеи высказывал и Мамонт Дальский в своем трактате "Об образцовом театре": "Талант должен воспитываться в талантливой среде". Идея создания "нового человека" была скомпрометирована большевистской идеологией, недаром на страницах "Маски и души" возникает метафора - универсальный советский робот, "цитирующий Ленина, говорящий под Сталина, поющий "Интернационал" и, когда нужно, дающий кому-нибудь в зубы".

Пушкинская скала, по мысли Шаляпина, должна была стать центром искусства: "Мне мечталась такая уединенная обитель, где окруженный даровитыми и серьезными молодыми людьми я бы мог... работать над созданием идеального театра... Мечту свою я оставил в России разбитой".

Сегодня всерьез обсуждается проект, предполагающий реализацию шаляпинской мечты - постройку "Замка искусств" в Крыму. Хотя куда более актуальным было бы создание в нашем отечестве таких условий работы в музыкальных театрах, при которых лучшие русские певцы не захотят покидать родину.

● Ф.И.Шаляпин - Алеко, 1921 год, Петроград (публикуется впервые)

Экран и сцена